

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ

Константин Леонтьев

Византизм и славянство

«Что такое византизм?»

Византизм есть прежде всего особое лицо, образцованность или культура, имеющее свои отличительные признаки, свои общенациональные, резкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия...

Византизм в государстве значит — самодержавие.

В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей...

«Что такое славян?»

Ответа нет!.. Славян, какой во всецелости своей, есть еще объект, западан.

Константин Леонтьев. Византизм и славянство // АСТ, АСТ Москва,
Хранитель, Москва, 2007
ISBN: 5-17-040449-2, 5-9713-4001-8, 5-9762-1600-5
FB2: Denis, 2009-01-23, version 2
UUID: 6f376f1f-3a18-102c-b1cf-18f68bd48621
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Николаевич Леонтьев

Территориальные отношения

Константин Николаевич Леонтьев начинал как писатель, публицист и литературный критик, однако наибольшую известность получил как самый яркий представитель позднеславянофильской философской школы – и оставивший после себя наследие, которое и сейчас представляет ценность как одна из интереснейших страниц «традиционно русской» консервативной философии.

Константин Леонтьев

Территориальные отношения

Великий *Восточный* вопрос нельзя низводить на степень какого-нибудь непрочного и бесплодного панславистического дела.

Сила России спасительна для самого всеславянства; для силы России необходима искренность и крепость православия, посредством которого, так или иначе, мы можем действовать в одно и то же время и на западных (австрийских) славян, и на рассыпающуюся постепенно у победных ног наших Азию, на эту древнюю, мистическую и столь богатую разнородными духовными силами Азию.

От *рокового роста* нашего на Востоке и от влияния на славянский запад мы не спасемся.

Есть государства, обреченные историей расти, даже и *вопреки себе*. Таков был Рим, таковы Англия и Россия; таким государством может стать и Германия, если она сумеет найти себе выход в дальние колонии, сохраняя надолго дружбу славян, развивающихся в тылу ее.

Только исходя из таких общих и обширных задач, в надежде, что многие поймут, я могу приступить в этой краткой заметке к частной цели моей: к разбору территориаль-

ных отношений между четырьмя православными нациями (греками, болгарами, сербами и румынами), нациями, которых будущее благоустройство теперь более или менее в наших руках.

По отношению к православию, к той охраняющей, движущей, объединяющей и зиждущей *реальной* силе, без которой немислима счастливая деятельность наша на Востоке, нации эти стоят именно в том порядке, в котором я их назвал:

Греки и болгары, сербы и румыны.

Я начну с последних.

Румыны в *качественном* смысле, так сказать, самый незначительный элемент на Востоке, самый бесхарактерный и бесцветный.

Они довольно многочисленны; земля их сравнительно богата; положение при устьях Дуная очень выгодно; мелочной европейской образованности у них достаточно; народ пашет, плодится и послушен. Даже в церковь ходит... не очень часто, а ходит.

Румынское войско доказало, что оно умеет даже сражаться до известной степени.

Но румыны, особенно после разлагающего

à la française[1] господства князя Кузы, после отобрания имуществ преклоненных Св. Местам монастырей, стали вдруг чем-то ни восточным, ни западным, вроде наших новороссийских (или хотя румынских же) городов: бело, просторно, довольно опрятно, пусто, скучно, бесхарактерно. Нет и следов внешнего видимого стиля, который есть всегда выражение крепкого духа и самобытного содержания. Румыны, как справедливо заметил г. П. Толстой (в 16 номере «Московских ведомостей» по поводу слуха об уступке им Добруджи), представляют какой-то чуждый, антиславянский, полуроманский элемент на пути нашего общения со славянами. Это правда, они гордятся не тем, что они православные, или просто румыны, а преимущественно тем, что они романский элемент, их тянет к Западу... Они даже прежнюю азбуку, свою, славянскую, переменили на латинские буквы, и в нравах их нет ничего такого, что радует нас в черногорцах, болгарах, эпиротах, критянах.

В вышеупомянутой заметке г. Толстой справедливо сетует на этот слух об отдаче Добруджи румынам.

Положим, что население Добруджи вовсе не исключительно болгарское, а очень смешанное; в 60-х годах население Добруджи было приблизительно следующее:

Болгар 14, 15, 16 тысяч, румын столько же (кажется, 16 тысяч), турок 10, 11, 13 тысяч, татар (крымских) тоже тысяч 12–14, малороссов 14, 15 тысяч, черкесов 5–6 тысяч, старообрядцев-великороссов 2–3 тысячи.

Остальное: греки по городам, немцы, молочане, русские. Турки, как известно, предпочитают считать и делить своих подданных по религиям, и русские, как имеющие несколько вер, считались у них особо каждая вера.

Из этой таблицы, хотя бы и ошибочной, может быть, в каких-нибудь незначительных размерах, видно, что по населению Добруджу нельзя назвать ни болгарской, ни румынской страной.

Но она все-таки гораздо более болгарская и по географическому положению, и по отношению к тому политическому фону, на котором должны слагаться в будущем взаимные отношения освобожденных нами народностей.

Дунай – вот граница Румынии. Зачем ей переступать за нее? Награждать румын за то, что они сражались, и наказывать болгар за то, что они не могли сражаться?.. Воевать еще возможно по чувству – ибо война есть действие быстрое и разрушительное; но когда дело идет о прочной организации, об утверждении мира на Востоке, надо устраивать, а не награждать или наказывать; надо как можно больше мыслить и как можно меньше чувствовать.

Смешно было бы, например, наказывать всех греков или Святые Места, находящиеся в греческих руках, за то, что эллинское правительство так поздно объявило Турции войну! Союз православных народов Востока должен созидаться на политическом разуме, а не досаде и благодарности.

Чего желаем мы? Расположить *сердца* румын к России! Не так ли? Но хорошо *народу сердцем* стремиться на бой с врагом и притеснителем, а государству, ввиду будущих условий жизни, надо *не столько сердца, сколько обстоятельства располагать в свою пользу*. Благодеяния забываются нациями еще гораз-

до легче, чем лицами.

Расположить румын и огорчить болгар? Что же тут выгодного?

И если уж отдавать всех остальных разнообразных жителей Добруджи, вероятно, противу воли их, кому-нибудь из двух – румынам или болгарам, то во всех отношениях справедливее отдать болгарам. Справедливо это не только по географическим или племенным условиям, но и по многим другим причинам.

Болгары – народ серьезный, народ гораздо более румын *восточный* (в хорошем смысле этого слова); народ трудовой, бережливый, твердый, в семейной жизни почтенный; правда, несколько сухой, вследствие того, вероятно, что жизнь его была долго ограничена одними вещественными интересами, но это исправимо. Православие в болгарях несравненно крепче и чище, чем в румынах. Болгары не правы и не чисты только противу законов Церкви в одном случае; но они покаются, они слишком умны, чтобы не понять этого. Болгары, поставленные под наше влияние и примиренные с Вселенской Церковью и гре-

ками (хотя бы и ценою некоторых территориальных уступок), болгары, еще почти не жившие, свежие, распространенные от устьев Дуная до берегов царственного Босфора (ибо в окрестностях Царьграда много болгарских деревень), болгаре, не успевшие еще и в быту своем утратить всю прелесть и солидность патриархальных форм, не успевшие, подобно румынам, стереть с себя все хорошие черты своеобразного азиатизма, — болгаре могут иметь великую будущность если не по вещественной силе, то по культурному значению, если только мы, русские, сами второпях не испортим их навеки; если мы по неосторожности не прикоснемся к ним более петербургским, чем московским боком нашего петровского Минотавра!..

С румынами, конечно, надо считаться; надо помогать им, надо дружить с ними, бесспорно; но зачем приносить им в жертву не только болгар и русских, живущих в Добрудже, но даже и мусульман этой страны? Мусульмане, как властители, положим, несправедливы или, вернее сказать, прежде всего, *нежелательны*; но подданные они прекрас-

ные, без претензий, честные и простые, – это известно всем.

Лучше *во имя идеи*, во имя умиротворения Церкви отдать 500 тысяч болгар грекам, по преимуществу представителям православия в Турции, чем уступить даже и 16 тысяч болгар офранцузенным молдо-валахам, ничего почти, кроме некоторой вещественной силы, не олицетворяющим в среде восточных христиан.

То же можно сказать и об уступках сербам земель, населенных болгарами. И сербы по *внутреннему значению* своему на Востоке гораздо ничтожнее болгар и греков.

Но о сербах в другой раз.

Теперь же я прибавлю два слова об устьях Дуная. Слухи ходят о некоем как бы обмене берегов нижнего Дуная между Россией и Румынией. Россия возвратит себе отошедшую по трактату 56 года часть Бессарабии с Измаилом и за это Добруджей вознаградит Румынию.

Если Германия и Австрия дорожат свободой дунайских гирл, потому что верхний Дунай в руках немецких племен, то я полагаю,

что в этом весьма второстепенном интересе можно охотно сделать уступку этим державам, с тем чтобы так или *иначе на проливах упрочить себе силу или хотя бы преобладание*. Имея если не в руках наших, то хоть *под рукою*, так сказать, самый *корень* дела, самое *сердце* того великого восточно-союзного организма, который должен быть отныне нашей страстно искомой целью, нашим историческим долгом, с частностями вопроса, с отдельными составами и членами этого *неизбежного* в близком будущем союза-исполина – мы овладеем легко и позднее.

Именно потому, что *весь Запад* уверяет, что Царьград и проливы – пункты не русские, а общеевропейские интересы, мы должны догадываться, что в них-то и заключается такой существенный и самый жизненный интерес для России. Эти пункты, Царьград и проливы, так важны во всех отношениях – в церковных, в коммерческих, в военных, политических собственно и даже в культурных (художественных, например), что один неловкий или слишком робкий шаг на этом поприще может очень скоро отозваться самым гу-

бительным образом и на нас, и на всех единоверцах наших, начиная от островитян Эгейского моря и кончая самими черногорцами.

Международное (т. е. *беспринципное*) влияние в Царьграде – это не что иное, как медленное вскормление самого отвратительного радикализма. Влияние это в последнее время и при турках уже чувствовалось. Что же будет и без турок и без нас? Или при совсем уже расслабленной Турции, без нашего над ней преобладания, без ревнивого охранения этих развалин мусульманства от всякого чуждого влияния, и в особенности от *коллективного*, ибо в нем самый едкий яд разлагающего индифферентизма? Иначе не скажут ли когда-нибудь потомки наши, что мы побеждали на гибель себе, подобно наполеоновской Франции или Македонии венчанного поэтического героя Граника и Арбелл? За блеском побед – залого разложения.

Что такое перед проливами и Царьградом – Измаил и устья Дуная!

Прежде всего в теории, в области *задних мыслей* наш патриотизм обязан сам себе уяснить, чего мы хотим; в будущем же хотеть на-

до большего, а практические препятствия сами собою встретятся и немного обрежут на деле политический наш идеал. Зачем же обрезать его в сердце нашем, этот великий идеал – будущего, быть может, *вовсе недалеко-го!*

Примечания

1

На французский манер (*фр.*).

[^^^]